

Михаил Алексеевский, Михаил Лурье,
 Анна Сенькина

Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста

К 200-летию со дня рождения Николая Васильевича Гоголя

Вступительные замечания

Не приведи господь служить по ученой части!
 Всего боишься: всякий мешается, всякому хо-
 чется показать, что он тоже умный человек.

Н.В. Гоголь, «Ревизор» (1, I)

Михаил Дмитриевич Алексеевский
 Государственный
 республиканский центр русского
 фольклора, Москва

Михаил Лазаревич Лурье
 Европейский университет
 в Санкт-Петербурге
 mlurie@inbox.ru

Анна Александровна Сенькина
 Российская национальная
 библиотека, Санкт-Петербург

О том, что в Могилеве-Подольском есть па-
 мятник Гоголю, установленный еще до ре-
 волюции¹, и о том, что с появлением этого
 памятника связана местная легенда², мы

¹ Памятник, представляющий собой небольшой бюст на двухметровом постаменте (см. фото), стоит на площади, образуемой слиянием улиц Сагайдачного, Гоголя, III Гвардейской и пр. Независимости. Памятник установлен в конце XIX — начале XX в. (подробнее об этом см. во 2 главе статьи).

² Использование слова «легенда» в нашем случае требует небольшого комментария. Противоречивость в определении легенды как жанра фольклора характерна как для отечественной, так и для мировой науки [Degh 2001: 23–97]. По терминологической традиции, сложившейся в советской фольклористике, жанроопределяющим элементом легенды является сочетание установки на истинность с наличием в сюжете чудесного события, а интересующие нас нарративы следовало бы отнести к преданиям [Азбелев 1965; 1966; Чистов 1968; Соколова 1970; Криничная 1987]. Подобное жанровое разделение, вызывающее немало вопросов и споров, было выработано для классификации крестьянской несказочной прозы. Применительно к городскому фольклору со времен публикаций Е.З. Баранова [Баранов 1928] термин «легенда» или «городская легенда» устойчиво используется по отношению к фольклорным нарративам, повествующим о примечательных событиях истории города. Сбором и публикацией этих текстов до недавнего времени занимались главным образом энтузиасты-любители, краеведы, которым были чужды академические рефлексии о жанровой природе зафиксированных ими рассказов. В последние десятилетия, когда в отечественной науке резко возрос интерес к городскому фольклору, вопрос о жанровой классификации этого материала встал достаточно остро. Пока что попытки выработать классификационную сетку для «городских жанров» балансируют между двумя крайностями: применением к «новому» (городскому) материалу системы «устоявшихся в фольклористике терминов» (былички, предания,

услышали в первый же день собирательской работы в этом городе летом 2007 г.¹ Скоро стало ясно, что в том или ином виде ее сюжет известен многим могилевским жителям различных возрастов и профессий и весьма привлекателен для авторов краеведческих публикаций. Всего было получено 13 устных ва-

чудеса (легенды), слухи, байки (исторические анекдоты) [Веселова 2000]) и моделированием новых жанровых дефиниций, вовсе лишенных какой бы то ни было терминологической рефлексии (ср.: «автор придерживается определения городской легенды как устного прозаического рассказа, основным содержанием которого является описание возможных или реальных фактов прошлого» [Майер 2008]). Пользуясь тем, что наше исследование ни по характеру материала, ни по методологии не укладывается в дисциплинарное поле фольклористики, мы позволим себе отмежеваться от этих терминологических рефлексий и казусов, а по отношению к рассматриваемым нарративам будем использовать обозначения «легенда» и «история», удобные в силу своей нейтральности и наиболее регулярно используемые авторами и рассказчиками рассматриваемых нами текстов.

¹ Летом 2007 и 2008 гг. в городе Могилеве-Подольском, районном центре Винницкой области, работала Этнографическая школа по иудаике, организованная совместно Центром «Сэфер» и Центром «Петербургская иудаика». Участники школы осуществляли сбор полевых материалов по еврейскому фольклору и этнографии, устной истории и локальному тексту города (подробнее о проекте см.: [Львов 2008]).

риантов, одна самозапись и восемь опубликованных изложений этой истории.

Между разными вариантами легенды, в особенности между напечатанными и записанными от информантов, имеются заметные расхождения на уровне отдельных элементов сюжета и ряда деталей. Если же пренебречь частностями и в обобщенном виде представить наиболее полную версию сюжета, то он сводится к следующему. *В дореволюционное время в Могилеве-Подольском состоялась постановка «Ревизора», в которой актеры изобраили гоголевских персонажей максимально похожими на местного городничего и других значительных людей города. Чиновники, присутствовавшие на представлении, были возмущены и попытались запретить спектакль. После этого у горожан возникла коллективная идея собрать деньги на памятник Гоголю. Памятник был исполнен, и его намеренно установили напротив дома городничего.*

Ощутимая симпатия в отношении к самой этой истории со стороны рассказчиков, устойчивый пафос осмеяния властей и не в последнюю очередь тот факт, что речь идет, очевидно, об одном из старейших памятников Гоголю, вариативность отдельных мотивов и деталей при общем сюжетном единстве — все это вкупе подсказывало, что перед нами действительно нетривиальный, исключительно «богатый» случай, достойный чего-то большего, чем публикация подборки текстов или обобщенное описание в числе прочих фрагментов городской культуры Могилева-Подольского. Однако замысел настоящей статьи обусловлен, конечно, не одним желанием воздать должное красивой полевой находке, но прежде всего — стремлением реализовать на опыте конкретного исследования накопившиеся рефлексии относительно задач и методов изучения локальных текстов.

Проблемы локальных символов и локальных текстов в настоящее время все чаще становятся предметом интереса как философов [Замятин 2008] и литературоведов [Абашев 2000], так и антропологов. В частности, последние несколько лет исследованиями в этой области на материале современных провинциальных городов достаточно активно занимались авторы этих строк. В результате было выработано понимание локального текста как системы ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с местом и актуальных для общего знания сообщества, идентифицирующего себя с этим местом. Локальный текст репрезентируется в спонтанных и институционализированных коммуникативных практиках, местном фольклоре, художественном, публицистическом и исследовательском творчестве и т.д. (см. подробнее: [Лурье 2008]).

В антропологических исследованиях локальных текстов наиболее распространены две модели. В одном случае исследователи пытаются, анализируя материал, прежде всего обнаружить общие идеи (или мотивы), доминирующие в данном локальном тексте и формирующие его специфичность. Это позволяет им воспроизвести в обобщенном виде (т.е., по сути, реконструировать) «образ места» как сумму его основных семантических характеристик и образных кодов [Разумова 2000; Леонтьева, Маслинский 2001; Ахметова, Лурье 2006; Алексеевский, Лурье 2008; Разумова 2009]. Конкретные тексты, в которых использованы эти коды и эксплицированы эти характеристики, в работах такого типа группируются по содержательному принципу и получают статус иллюстраций.

Другой путь состоит в выявлении максимального репрезентативного ряда единичных объектов (напр., район города, прославленный земляк, изображение на гербе, эпизод городской истории и т.п.), которые в данном локальном тексте становятся предметом семантизации и фактором текстопорождения (см., напр., [Кулешов 2001; Ахметова, Лурье 2005]). На каждый из таких объектов исследователь формирует своего рода досье из связанных с ним сюжетов, речевых формул, поведенческих практик и т.д., в которых реализуются его устойчивые характеристики и направления его концептуализации в общем контексте городского самосознания [Ахметова 2008]. Этот путь приводит к выявлению актуального тезауруса местной культурной традиции и, в пределе, — к идее описания каждого локального текста в словарно-энциклопедической форме [АЖЛС 2008; Словарь локального текста 2008].

Применение каждой из этих моделей исследования локальных текстов, а также их комбинирование приводят к чрезвычайно интересным и важным наблюдениям и создают необходимую базу для обобщений и сопоставлений, в конечном счете — для общего понимания специфики городского локального текста как культурного феномена, его структурных и типологических особенностей. Однако вопросы путей формирования и функционирования локальных текстов и их составляющих остаются в стороне или проговариваются на самом общем уровне. Например, неоднократно констатировалось, что в применении к современной городской культуре не актуально противопоставление устного и книжного, спонтанного и официального регистров, но конкретные аспекты и закономерности их взаимодействия ни разу не становились предметом анализа на конкретном материале. Для того чтобы постепенно ликвидировать эту методологическую и в конечном счете эвристическую лауну, необходимо провести ряд «капиллярных» исследований

на материале отдельных фрагментов каких-либо локальных текстов, по возможности детально прослеживая механику и логику их трансмиссии, трансформирования и варьирования. Могилев-Подольская история о памятнике Гоголю показала нам материалом, хорошо подходящим для того, чтобы сделать шаг в этом направлении и предпринять попытку подобного *case study*, посвященного отдельному сюжету. Такой выбор обусловлен еще и тем, что мы имеем достаточно хорошее представление об одном из необходимых для этого контекстов — локальном тексте Могилева-Подольского [АЖЛС 2008; Словарь локального текста 2008].

Мы поставили перед собой две основные группы исследовательских задач. Во-первых, подробно описать письменные и устные варианты легенды, определить их сюжетную структуру, выявить основные повествовательные элементы, проследить и объяснить механизмы и логику варьирования и взаимовлияния. Во-вторых, поместить могилевский материал в те контексты, с которыми связана легенда, и тем самым пролить свет на вопросы отношения к историческим реалиям и культурного генезиса ее книжных и устных версий.

Неоднородность материала, множественность поставленных задач и необходимость использования в каждом случае различных дополнительных источников обусловили многоступенчатую структуру работы. Статья строится как ряд очерков (глав), каждый из которых содержит отдельный фрагмент исследования, более или менее самостоятельный и одновременно связанный с некоторыми другими конкретными позициями и общей логикой наших разысканий.

В результате последовательной реализации авторами установки на многоаспектность и фундаментальность исследования статья получилась очень большой, поэтому она публикуется в двух выпусках «Антропологического форума». В 11-й вошли три главы, посвященные описанию и анализу печатных версий легенды (1), историческому (2) и литературному (3) комментариям к ним. В 12-м выпуске будет представлена вторая часть статьи, в двух главах которой проанализированы устные рассказы (4) и рассмотрены содержательно и типологически связанные с ними сюжеты городского фольклора (5), а также опубликованы полные тексты устных рассказов и результирующие соображения.

Считаем своим долгом выразить большую сердечную благодарность Анастасии Жердевой, оказавшей нам огромную помощь в поиске и обработке материалов, центру «Петербургская иудаика», пригласившему нашу группу к участию в школах-

экспедициях в Восточное Подолье в 2008 и 2009 гг., а также всем участникам этих экспедиций, подключившимся к соби- ранию рассказов о памятнике Гоголю.

1. Легенда о памятнике Гоголю в прессе и краеведческой литературе

Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в жур- налы помещаете?

Н.В. Гоголь, «Ревизор» (3, VI)

Представляется целесообразным начать рассмотрение материа- ла с опубликованных, а не устных текстов, поскольку в со- временной городской культуре появление сюжетов, связанных с локальной историей, чаще всего не спонтанный акт коллек- тивного творчества, а результат профессиональной деятель- ности местной интеллигенции — в первую очередь авторов краеведческих работ, а также журналистов, педагогов и музей- ных работников. Забегая вперед, можно сказать, что и в нашем случае многие устные варианты напрямую восходят к публика- циям, порой являясь их сокращенными пересказами.

В этой главе мы попытаемся проследить этапы книжной био- графии легенды о памятнике Гоголю в периодике и краевед- ческой литературе, определив, кто у кого что заимствует, что меняет и что добавляет. Всего удалось найти 8 ее опубликован- ных изложений: две статьи в местной газете, одна — в цент- ральной, два очерка в краеведческих изданиях, одна публика- ция в фольклорном сборнике, одна — в учебном пособии по истории города и один рассказ из созданной местной семьей художников книги очерков, стихов и рисунков, посвященных историческому, природному и духовному наследию местного края. В конечном счете важно проследить не только механику, но и прагматику этих заимствований и модификаций и понять, какими интенциями и приоритетами руководствовался каж- дый из авторов. Это может стать первым шагом на пути к типо- логии книжных источников, принимающих участие в жизни локальных текстов.

1.1. Рассказ академика Гудзия

Самый ранний из имеющихся у нас местных печатных вариан- тов легенды, к которому восходят многие позднейшие, — ста- тья М. Пилецкого «Легенда о пам'ятнике Гоголю», которая была опубликована в моголевской газете «Наддністрянська

правда» 31 марта 1984 г. [Пилецкий 1984]¹. В этой публикации представлен самый полный вариант легенды, содержащий массу интересных подробностей и нюансов. Эти обстоятельства заставляют остановиться на ней подробнее.

Автор, который, как указано, является зав. кабинетом политпросвещения горкома компартии Украины, начинает статью с описания памятника великому писателю, красочно изображая, как жители города и приезжие туристы подходят к постаменту и читают надпись: «Н.В. Гоголю. От граждан города. 1872 год»². Далее он сообщает: «У місті існувало немало легенд і переказів про заснування пам'ятника. Одну из них в 1962 році розповів академік Академії наук УРСР, наш земляк, могилівчанин Микола Каленикович Гудзій».

Известный советский филолог, крупный специалист по древнерусской литературе Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965) действительно родился и вырос в Могилеве-Подольском. Как известно из автобиографии ученого, он вместе с родителями переехал из Могилева-Подольского в Киев в 1903 г., после чего приезжал в родной город лишь дважды — в 1923 и в 1963 гг. [Гудзий 1968: 144].

Некоторые подробности о второй поездке можно обнаружить в газете «Наддністрянська правда» от 19 июня 1963 г., где в рубрике «У нас в гостях» журналист И. Глинский пишет: «Академік М.К. Гудзій зустрівся з трудящимися міста, побував у нас в редакції, поділився сво ми спогадами і творчіми планами. Місто тепло зустріло славного сина» [Глинський 1963]. Вероятно, во время одной из этих встреч академик Н.К. Гудзий и рассказал историю про памятник Гоголю³.

По словам Пилецкого, во время встречи Н.К. Гудзий стал показывать старые семейные фотографии. На одном из снимков, датированном 1910 г., среди прочих был изображен отец академика Каллиник Гудзий. Кто-то из присутствовавших обратил внимание, что у него нет верхней части одного уха, и спросил, что произошло. «Це, друзі, давня історія, — відповів Микола Каленикович і почав розповідати».

¹ Здесь и далее цитаты из статей, состоящих из 1–2 страниц, даются без повторных сносок.

² В дальнейшем М. Пилецкий использует эту дату как отправную точку для верификации событий, описанных в легенде, однако тут мы сталкиваемся с первой проблемой. Дело в том, что в 2007–2008 гг., когда участники экспедиции работали в Могилеве-Подольском, никакой надписи на постаменте не было, что было специально проверено. Можно предположить, что в период с 1984 по 2007 г. табличка с надписью из-за чего-то была снята с монумента. Однако по целому ряду причин, о которых речь пойдет дальше, датировка памятника 1872 годом кажется сомнительной. Таким образом, остается неясно, существовала ли когда-нибудь надпись на памятнике, о которой сообщает Пилецкий.

³ М. Пилецкий лишь неточно указывает год, когда это происходило: 1962-й вместо 1963-его.

Получается, что единственным источником для статьи Пилецкого послужил рассказ человека, покинувшего Могилев-Подольский больше полувека назад и воспроизводившего семейный исторический нарратив (см.: [Разумова 2001: 183–187]), а не предание, так или иначе репрезентирующее городскую фольклорную традицию середины XX в. Поэтому вопрос о том, имела ли легенда о памятнике хождение среди жителей города до приезда Гудзия в 1963 г. или же Пилецкий упомянул о ее бытовании во множестве вариантов для красного словца, пока остается открытым.

Изложение истории памятника в версии Гудзия-Пилецкого начинается с рассказа о том, что в 1870-е гг. в городе существовал театр «Гигант», где играли как профессионалы, так и любители. К двадцатилетию со дня смерти писателя (т.е. в 1872 г.) актеры решили поставить на сцене комедию «Ревизор», «але в чисто могилівському варіанті», изобразив в образах гоголевских персонажей городских чиновников и помещиков. Костюмы и декорации сделали так, чтобы максимально воспроизвести местные реалии, актеров на роли подбирали таким образом, чтобы они были похожи на своих «прототипов». В статье перечисляется, кто именно стал объектом сатиры: «Перед глядачами постав у повній своїй “красі” городничий Хаджи, а суддя Ляпкін-Тяпкін мов крапля води був схожий на міського суддю Силича. З натури скопійовані Бобчинський — цілком подібний до немійського поміщика Красовського та Добчинський — копія садковецького поміщика Пеньковського». Свой прототип был и у Хлестакова: «Один з одеських пройдисвітів, якийсь “купец” Гальперін, тими роками зумів обманути мало не половину могилівських купців і чинодралів, прикинувшись інспектором з столиці». Имена других двойников не названы, однако сообщается, что Каллиник Гудзий играл почтмейстера.

Во время представления актеры старательно изображали речь и жесты своих прототипов, которые присутствовали в зале и с начала спектакля начали громко выражать недовольство. Сам городничий Хаджи в конце концов не сдержался, выскочил на сцену и ударил своего двойника, после чего «розпочалась справжня бійка, під час якої було не мало вибито зубів, а в Каленика Гудзія хтось перекусив вуха». После антракта, за время которого возмущенные чиновники покинули зал, а актерам и зрителям была оказана медицинская помощь, спектакль продолжился, а в конце один из зрителей выскочил на сцену и предложил публике собрать деньги, чтобы поставить в городе памятник Н.В. Гоголю. Памятник изготовили и, когда городничий был в отъезде, установили в 50 метрах от его дома. «Вернувшись з губернії він буквально отетерів, побачивши перед

своїми вікнами ненависного йому автора “Ревізора”». Разгневанний городничий не посмел трогать пам'ятник, но написав губернатору письмо с просьбой немедленно закрыть реальное училище, которое «стало “розсадником” вольнодумства, неблаганадійності і безпорядків», после чего училище перевели в Винницу.

Пересказав историю, поведанную академиком, Пилецкий пишет: «Що в цій легенді правда, що вимисел, тепер встановити важко». Завершается статья Пилецкого панегириком Гоголю-реалисту и скромным замечанием, что могилевский памятник сатирику — первый в стране, а легенда о нем живет в городе.

1.2. Первый памятник в стране

Было бы заманчиво объявить, что статья Пилецкого является самой первой публикацией легенды и именно с нее начинается победоносное шествие сюжета о памятнике Гоголю по печатным страницам. Однако это не так. 30 марта 1984 г., т.е. на день раньше, в газете «Литературная Россия» была опубликована небольшая заметка Дмитрия Шумского «Первый памятник» [Шумский 1984]. Если Пилецкого прежде всего интересует сама легенда и ее историческая достоверность, то статья Шумского выстроена как развернутый ответ на вопрос: «Где и когда был поставлен первый памятник Гоголю?». Поводом для такой постановки вопроса (как и для статьи Пилецкого) стал 175-летний юбилей писателя¹. Автору удалось выяснить, что в городе Нежине памятник Гоголю поставили в 1881 г. «Неужели нежинцы опередили всех? Оказывается, нет. Первый памятник уже был, как сообщала областная газета “Заря Полтавщины”». Идея его постройки возникла во время постановки “Ревизора” при весьма необычных обстоятельствах», — и далее Шумский кратко пересказывает тот же могилевский сюжет.

Отдельные детали двух пересказов совпадают буквально: упоминается, что на сцене воспроизвели обстановку дома местного головы Хаджи; сообщается, что памятник был поставлен на расстоянии 50 метров от его дома; приводятся сведения о том, что бюст заказывали в Киеве, а постамент делали местные каменщики. Некоторые совпадения кажутся почти дословными (ср.: «И он пустил шапку по рядам. Посыпались и рубли, и червонцы, и мелкая монета» — «Він пустив капелюха по рядам. У нього посипались червінці, карбованці, золоті»).

¹ Любопытно, что 25 лет спустя история повторилась: в марте 2009 г. к 200-летию юбилею писателя развернутую справку обо всех существующих памятниках ему подготовило информационное агентство РИА «Новости» [Памятники 2009], что спровоцировало ряд статей по этой теме в СМИ (например, [Копылова 2009]).

В то же время многие детали, известные по статье Пилецкого, у Шумского отсутствуют. Не сообщается о мести городничего, не упоминаются имена других чиновников, нет ни слова о Гудзии (как отце, так и сыне). Наконец, самое парадоксальное — в статье Шумского нигде не указано, в каком городе происходили все эти события и где, собственно говоря, находится тот самый «первый памятник», вынесенный в заглавие. Впрочем, неуклюжий и рваный стиль статьи свидетельствует о том, что автор писал ее в спешке.

Хотя Шумский указывает, в какой газете он вычитал историю про памятник Гоголю, ссылка на «Зорю Полтавщины»¹ вызывает ряд вопросов. Во-первых, просмотрев все номера газеты за предшествующие юбилейные начиная с 1969 г., мы не обнаружили там ничего, что могло бы послужить Шумскому источником. Во-вторых, Полтавская область находится далеко от Могилева-Подольского, и маловероятно, что эта сугубо локальная история могла быть напечатана в этой газете. Скорее можно предположить, что пересказ беседы с Н.К. Гудзием публиковался в одной из газет Винницкой области еще до статьи М. Пилецкого 1984 г. Не исключено, что автором этой неизвестной нам статьи был он же, а невнимательный Шумский, ссылаясь на источник, просто перепутал название газеты.

Это предположение косвенно подтверждается тем, что в 1987 г. М. Пилецкий снова вернулся к теме и все в той же «Наддністрянської правді» опубликовал небольшую статью «Перший пам'ятник М.В. Гоголю» [Пілецький 1987]. Фактически это дословный перевод статьи Д. Шумского на украинский язык, обрамленный вступлением и заключением от автора. В них М. Пилецкий дотошно ссылается на статью в «Литературной России», при этом путая фамилию автора: «Як стверджує Дмитро Шуйський в статті “Первый памятник”, опублікованій в газеті “Литературная Россия” № 14 від 30 березня 1984 року, це і є перший пам'ятник великому російському письменникові, синові українського народу».

Вероятно, в данном случае мы имеем коллизию в духе гоголевского «Ревизора»: провинциальный краевед настолько польщен, что про сюжет, связанный с его маленьким городом, написала «столичная штучка», что посвящает отдельную статью пересказу-переводу небольшой заметки из московской газеты. Показательно, что при этом он заботливо копирует и ссылку на «Зорю Полтавщины», хотя почти наверняка он никогда не видел эту статью (да и была ли она вообще?).

¹ Газета выходила на украинском языке.

От себя Пилецкий добавляет лишь патристическую концовку, где подчеркивается, что жители города свято чтут память великого писателя. Если столичному журналисту было неважно, в каком именно провинциальном городке был поставлен пресловутый «первый памятник», то для краеведа Пилецкого принципиально подчеркнуть самобытность родного города.

1.3. Фольклор и действительность

В 1992 г. во Львове вышел сборник «Евшан-зілля: легенди та перекази Поділля», куда легенда про памятник Гоголю в Могилеве-Подольском включается на правах полноценного фольклорного произведения [Медведик 1992: 109–110]. Текст в этом сборнике почти дословно переписан из той же статьи Пилецкого 1984 г., а в конце указывается, от кого он был записан: «А історію пам'ятника Миколі Гоголю у Могилеві-Подільському — одного із перших в нашій країні — розповів академік Микола Каленикович Гудзій, бо чув її від батька, якій, до речі, грав вдало тоді ж місцевого поштмейстра у “Ревізорі”».

Стоит обратить внимание на несколько показательных расхождений текста легенды из сборника «Евшан-зілля» с текстом Пилецкого. Во-первых, памятник Гоголю стал не «першим в країні», а «одним із перших». Во-вторых, ничего не сказано о том, что памятник поставили перед домом градоначальника. Отсутствует и описание мести Хаджи, хотя сам этот персонаж в легенде упоминается.

Похожая трактовка легенды имеет место в статье винницкого историка Анатолия Подолинного «Пам'ятник Гоголю в Могилеві-Подільському» [Подолинний 1994]. Судя по всему, он использует как статью Пилецкого 1984 г., так и сборник «Евшан-зілля»: ни мести градоначальника, ни упоминания его дома в тексте нет. Зато там имеет место казус с датировками: с одной стороны, упоминается табличка с указанием 1872 г., с другой стороны, про установку памятника сказано: «Був це 1897 рік». К этой странности мы еще вернемся в следующей главе.

1.4. Памятник потомку казака Остапа

Неожиданную трактовку история о памятнике получает в книге «Їх пам'ятає Придністров'я» моголевского журналиста Микола Горобца [Горобець 1993].

М. Горобец представляет собой тип краеведа-историка, который часто пренебрегает занимательностью повествования, зато стремится вместить в него как можно больше фактов, дат, имен, старательно выписываемых из различных источников. В его изложении история про памятник лишается самостоя-

тельности: Горобец помещает ее в качестве небольшого эпизода в главу «Микола Гоголь — нащадок Остапа Гоголя», где рассказывает биографию прадеда писателя — Остапа Гоголя, который командовал Могилевским полком в 1650–1670-е гг.

Горобец начинает свою версию сюжета с фактов: «В 1907 році у місті над Дністром трупом М. Старицького за участю М. Заньковецької вперше було показано п'єсу М.В. Гоголя “Ревізор”». Именно про этот спектакль, по мнению Горобца, «існує легенда», что пьеса была представлена зрителям «у могилівському варіанті». При этом автор книги не сообщает подробности этой истории, полностью опускает сцену драки, даже имена осмеянных «прототипов» называет лишь выборочно: «Ролі розподілили так, щоб актери були схожі на городничого Хаджі, суддю Силича та інших. Знайшовся і прототип Хлестакова. Ним був одеський пройдисвіт Гершко Гальперін». И опять ничего не сказано об установке памятника напротив дома городничего.

Микола Горобец много лет прожил в Могилеве-Подольском и не мог не знать устных вариантов этой истории, в которых всегда упоминается дом городничего. Еще менее вероятно, что он не был знаком со статьей Пилецкого. Почему же тогда в его книгу легенда попадает в столь редуцированном виде? По-видимому, ему, как краеведу, был не по душе сам формат легенды, не претендующей на истинность и не поддающейся проверке. Именно поэтому крайне выигрышный сюжет излагается автором очень бегло и скупо, в качестве небольшого приложения к хорошо документированной истории про Остапа Гоголя.

Книга Горобца с момента издания пользуется неизменным авторитетом у могилевской интеллигенции, и нет ничего удивительного в том, что в 2000-е гг. именно она стала основным источником информации для тех, кто обращался к этой теме. Так, составители предназначенной для школьных уроков краеведения небольшой книжки «Могилів-Подільський в 1897–1917 роках» [Стецюк, Горобець 2004] практически дословно воспроизводят соответствующие фрагменты. Одно из небольших изменений, осуществленное ими в тексте, весьма показательно: фраза «існує легенда» заменена на «існує переказ»: автору учебного пособия важно преподнести школьникам описываемые события как исторически достоверные сведения из истории родного города.

Любопытно, что в книге Стецюка и Горобца рассказ о спектакле и памятнике совсем теряет самостоятельность: он не выделен в отдельную главку, а расположен в общем тексте по принципу хронологии событий. Соответственно обрамляют эту ис-

торию, датируемую авторами 1907 г., сообщение о первой конференции городской организации РСДРП в 1905 г. и описание разгона городской власти революционерами в 1917 г.

1.5. Под резцом мастера

Один из наиболее любопытных вариантов нашей истории был обнаружен в книге «Обереги над Мурафою або душа Букатинського каменю» [Альошкіна 2008]. Один из авторов книги¹ — скульптор Алексей Алешкин, в 1980 г. переехавший из Киева в село Букатинка (17 км от Могилева-Подольского). Он является создателем многих монументов, установленных в окрестных городах, в том числе знаменитого памятника Джону Леннону в Могилеве-Подольском (1989–1990).

В книге «Обереги над Мурафою» интересующему нас сюжету посвящена отдельная глава под заглавием «Перший пам'ятник Гоголю в імперії був в Могилеві». В отличие от остальных авторов, которые пересказывали легенду по одному источнику, Алешкин использует все доступные ему материалы по теме и излагает компилятивный вариант легенды о спектакле и памятнике, не скупясь на яркие подробности и свободно обращаясь с деталями. Так, рассказывая о событиях во время спектакля по версии М. Горобца, но при этом уделяя большое внимание увлекательности повествования, он не смог обойти стороной момент с откушенным ухом, которого у Горобца нет. Однако в его тексте жертвой становится не Каллиник Гудзий, игравший почтмейстера, а неизвестный актер, исполнивший роль жандарма: «Жандарм вкусив свого сценічного двійника за вухо, мов Тайсон на боксерському рингу».

Красочно описав драку в театре и ее последствия («Всі учасники того “дійства” були замашені кров'ю»), Алешкин далее следует уже за статьей Пилецкого. Однако при описании истории установки памятника он добавляет и такие подробности, которых нет ни в одной из напечатанных версий легенды: «Встановили сатирика, з лукавою посмішкою “крізь зуби”, в кількох десятках метрів від будинку голови міської управи, де зараз музична школа. Саме тоді господар поїхав до губернського міста Кам'янця-Подільського. Портрет декілька раз повертали обличчям до його вікон, тому що жандарми відвертали скульптуру генія в зворотній бік від очей “шановного” панства».

¹ Инициатором создания книги является дочь скульптора Алексея Алешкина Дарья. Так как в работе над изданием принимала участие вся семья, в выходных данных для обозначения коллективного авторства использован псевдоним Альошкіна Д'Арья. Известно, что главку про памятник Гоголю писал сам Алексей Алешкин.

Упоминание о том, что памятник Гоголя несколько раз специально поворачивали, чтобы он смотрел прямо в окна ненавистному градоначальнику, не встречается в работах предшественников Алешкина, однако в устных вариантах легенды этот мотив несколько раз фиксировался. Вероятнее всего, Алешкин, создавая свою версию истории про памятник, использовал не только печатные источники, но и устные рассказы об этих событиях, что нехарактерно для других авторов «переказов».

Строгие ссылки на источники свидетельствуют скорее о высокой письменной культуре автора, нежели о его желании с максимальной точностью реконструировать исторические события. При этом складывается впечатление, что художнику гораздо интереснее красочно описать драку в театре, сравнив разъяренного жандарма с боксером Майком Тайсоном, чем углубляться в дебри краеведческих разысканий.

Подведем краткие итоги. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что все опубликованные изложения легенды находятся в прямой генетической связи: каждый автор переписывает или пересказывает текст одного из своих предшественников, чаще редуцируя его, чем дополняя. При этом случаи компиляции нескольких более ранних краеведческих работ и использования дополнительных источников (будь то устная традиция или справочная литература) единичны. Таким образом, трансмиссия сюжета городской легенды в краеведческом дискурсе является закрытой и самодостаточной.

Создавая новый вариант легенды на базе уже опубликованных работ, каждый автор адаптирует сюжет под свои цели и задачи: акцентирует внимание на значимых для себя моментах и опускает детали, не имеющие для него ценности. Так, в статьях, написанных жителями Могилева-Подольского, особое значение имеет локальная приуроченность событий легенды (указано, какие учреждения располагаются в бывших зданиях театра и дома городничего, назван точный «адрес» памятника и т.п.), в то время как иногородние авторы обычно не упоминают конкретных городских объектов, а иногда вообще забывают сообщить, в каком городе происходили события.

Заметим также, что авторы рассмотренных работ видят ценность рассказываемой ими истории из городского прошлого в двух ее характеристиках, в некотором смысле противоречащих друг другу. С одной стороны, они указывают на фольклорную природу истории о памятнике, называя ее «легендой», включая в сборник легенд и преданий или сообщая, что ее знают многие жители города. С другой стороны, краеведы стремятся придать ей статус достоверного исторического повест-

вования: либо пытаются доказать ее истинность с помощью дополнительных данных, либо подразумевают, что речь «по умолчанию» идет о реальных исторических событиях.

2. Исторический комментарий: люди, годы, адреса

Честью уверяю, и наполовину нет того,
что они говорят.

Н.В. Гоголь, «Ревизор» (4, XV)

Рассмотренные выше опубликованные изложения легенды (прежде всего статья Пилецкого 1984 г., к которой восходят все остальные), как уже было сказано, содержат много конкретных данных, которые претендуют на историческую точность: названы фамилии участников событий, есть указания на то, в каком году состоялся спектакль и был установлен памятник, и т.д.

Попытка исторического комментария, опирающегося на эти сведения, преследует одновременно несколько целей. Прежде всего следует верифицировать фактографическую сторону книжных версий легенды: это даст возможность увидеть, насколько авторы краеведческих работ нацелены на воспроизведение точных данных, насколько — на конструирование собственной версии истории. Кроме того, если легенда в ее исходной печатной версии действительно правдиво воспроизводит реальные события, это автоматически означает, что Пилецкий действительно слышал рассказ Гудзия, а академик на самом деле воспроизвел воспоминания своего отца — таким образом, вопрос об источнике легенды и пути ее попадания на страницы местной печати можно было бы считать закрытым.

Наконец, хочется узнать реальную подоплеку всей этой истории, получить ответ на вопрос «А как было на самом деле?» — желание тем более закономерное, что речь идет не о баснословных временах, а о сравнительно недавней эпохе, в целом неплохо документированной.

2.1. Эпизодические роли

Свое расследование мы начнем с эпизодических персонажей. В статье Пилецкого высказывается предположение, кто именно выскочил на сцену после спектакля и предложил собрать деньги на памятник Гоголю: «Є, між іншим, припущення, що цю ініціативу проявив учитель міського реального училища Григорій Олександрович Мачтет» [Пилецкий 1984]. В историю русской культуры Г.А. Мачтет вошел не как скромный учитель

Могилев-Подольского реального училища, а как революционер, крупный писатель народнического направления и автор известного стихотворения «Последнее прости» (1876), на текст которого была сложена одна из любимых революционных песен В.И. Ленина «Замучен тяжелой неволей». Понятно, почему Пилецкий так «цепляется» за эту фигуру.

Пытаясь верифицировать рассказ Н.К. Гудзия, автор статьи указывает на тот факт, что в том же 1872 г., когда был поставлен памятник, Григорий Мачтет переехал из Могилева-Подольского в Каменец-Подольский: подразумевается, что это произошло из-за закрытия училища, где работал Мачтет, по мстительному доносу городничего Хаджи¹.

Когда именно Г.А. Мачтет переехал из Могилева-Подольского в Каменец-Подольский, точно не известно², но летом 1872 г. он уже уехал из Каменца-Подольского, чтобы вместе со своими товарищами по подпольному кружку «американцев» А. Романовским и И. Речицким отправиться в Америку с целью организации там свободной «земледельческой коммуны». Осенью 1872 г. после летнего отпуска Мачтет не вышел на работу в училище и был заочно отчислен [Мачтет-Юркевич 1958: 6]. Соответственно, в первые месяцы 1872 г. будущий писатель жил и работал уже в Каменце-Подольском, и предположение о том, что именно он в результате мести Хаджи за установку памятника был переведен в губернский город (что и само по себе не выглядит понижением по службе), не выдерживает критики.

Столь же маловероятно, что спектакль разыгрывался труппой М. Старицкого с участием М. Заньковецкой в 1907 г. Во-первых, известный театральный режиссер, драматург и поэт Михаил Старицкий в 1895 г. прекратил занятия театром, сосредоточившись на литературе, а в 1904 г. умер [Комишанченко 1968]. Таким образом, сам он точно не мог принимать участие в спектакле 1907 г.

¹ Оказавшись в тяжелом материальном положении, после отчисления из гимназии будущий писатель с большим трудом получил возможность работать учителем в реальном училище и в 1870–1872 гг. преподавал сначала в Могилеве-Подольском, а потом в Каменце-Подольском [Борщевский 1969: 14]. В своей автобиографии (1896) писатель сообщает об этом довольно бегло: «Попечитель округа генерал Антонович был очень добрый чиновник и, по ходатайству некоторых моих прежних учителей, разрешил мне в 1870 г. держать при округе специальный экзамен на звание учителя истории и географии в уездных училищах и определил учителем сначала в Могилевское, а потом в Каменец-Подольское училище с обещанием, что, если я прослужу несколько лет, он выхлопочет мне экзамен на аттестат зрелости. Но, прослужив два года, я уехал в 1872 г. за границу» [Физиков 1980: 120].

² Неопределенность с датировкой переезда Г.А. Мачтета в Каменец-Подольск позволила могилевским краеведам приписывать ему пребывание в Могилеве-Подольском в течение всех лет, указанных в автобиографии. На стене городской средней школы № 6 висит мемориальная доска с надписью «Тут в 1870-1872 гг. працював учителем письменник Григорій Олександрович Мачтет».

В 1872 г. Старицкий в принципе мог ставить спектакль в Могилеве-Подольском (любительскими постановками он занимался с 1859 г., а в 1871 г. основал в Киеве «Товариство українських сценічних акторів» [Комишанченко 1968]), однако украинская актриса Мария Заньковецкая в этой постановке явно не могла принимать участия: в то время ей исполнилось лишь 12 лет, а ее театральный дебют состоялся лишь в 1882 г. [Дурилі 1995]. Вообще в труппе Старицкого она играла всего несколько лет (1883—1886, 1890, 1892), соответственно, вместе работать в Могилеве-Подольском они могли только в это время¹.

2.2. Гершко Гальперин и другие «пройдисвіти»

Более интересные результаты дает поиск информации о чиновниках, помещиках и купцах Могилева-Подольского, ставших предметом осмеяния на спектакле. В книге «Список чиновам, состоящим на службе в Подольской губернии на 1 июня 1872 года» [СЧ 1872] не значится ни одной из фамилий, указанных в статье Пилецкого. Столь же бесплодными оказались и поиски в «Памятной книжке Подольской губернии на 1885 год» [ПК 1885]. Впервые знакомые имена встречаются нам в книге «Адресы должностных лиц, правительственных учреждений и частных фирм, находящихся в г. Каменец-Подольске, и должностных лиц учреждений Министерства внутренних дел в уездах Подольской губернии», где сообщается, что в 1892 г. должность уездного исправника в Могилев-Подольском уездном полицейском управлении занимал коллежский советник Иван Петрович Силич [АДЛ 1892: 77]. По данным «Подольского адрес-календаря», в 1895 г. он сохранил эту должность, а также стал одним из директоров уездного отделения губернского попечительного о тюрьмах комитета [ПАК 1895: 253—254]. В 1900 г. И.П. Силич продолжает занимать эти

¹ Более внимательно ознакомившись с книгой М. Горбца, можно высказать осторожное предположение, почему он в отличие от всех остальных датировал спектакль 1907 г. Одна из глав его работы посвящена М. Старицкому, который с 1868 г. регулярно приезжал в село Карповка, расположенное недалеко от Могилева-Подольского. Изложив все сведения, касающиеся жизни великого режиссера и драматурга «на Подільщині», Горбец представляет краткий обзор театральной жизни Могилева-Подольского в начале XX в.: «Театральне життя у місті над Дністром не припинялось. В 1907 році тут побувала група українських артистів у складі М. Заньковецької, Г. Борисоглібської, О. Полянської, І. Загарської, І. Мар'яненка, С. Панківського, С. Тобілевича. Вони ставили такі п'єси, як "Наталка Полтавка", "Сватання на Гончарівці", "Безталанна", "Мартин Боруля", "Бурлака", "Суста", "Лісова квітка", "Наймичка", "За двома зайцями". Найбільше до вподоби припала всім комедія М. Гоголя "Ревізор". Після її постановки могилівчани зібрали кошти і поставили великому письменникові пам'ятник» [Горбець 1993: 33].

Вероятно, М. Горбец, собирая материал о театральной жизни в городе, где-то обнаружил информацию о гастролях 1907 г. Отвергая датировку постановки «Ревизора» из статьи Пилецкого, он, вероятно, предположил, что скандальный спектакль мог быть показан именно во время этих гастролей. Так, случайно найденная информация стала отправной точкой для новой датировки событий легенды, хотя предположить, что приезжие именитые актеры из Киева решили в постановке «Ревизора» изобразить чиновников города, в который они прибыли на гастроли, довольно трудно.

же должности [ПАК 1900: 184—185], а в 1904 г. к его обязанностям добавляется еще руководство уездным попечительством детских приютов [АК 1904: 94—95, 97]. На тех же должностях он находится и в 1909 г. [АК 1909: 224, 226, 234], и в 1911 г. [ПК 1911: 184]. Таким образом, «судья Силич» действительно жил в Могилеве-Подольском и служил, в частности, в органах правосудия (хотя должность судьи никогда не занимал). Его служебную карьеру едва ли можно назвать успешной: с 1892 по 1911 г. он так и не поднялся по службе, а новые должности были скорее «почетными». Нельзя не отметить, что сроки службы «судьи» Силича тоже радикально противоречат датировке спектакля и памятника 1872 г.

Легко нашелся в справочной литературе «немійський поміщик Красовський», которого якобы вывели в спектакле в образе Бобчинского. По сведениям из «Подольского адрес-календаря на 1895 год», дворянин Фаддей Францович Красовский в это время имел в собственности винокуренный завод и вальцовую водную мельницу в селе Немии Могилев-Подольского уезда, однако при этом сообщалось, что проживает он в Могилеве-Подольском [ПАК 1895: 254—255, 320]. Эти же предприятия указывались как собственность дворянина Ф.Ф. Красовского и в более поздних «Памятных книжках»: в 1904 г. [АК 1904: 250], 1909 г. [АК 1909: 308], 1911 г. [ПК 1911: 284], впрочем, уточнялось, что в 1904 и 1909 гг. его «вальцовая мельница в с. Немии» состояла «в аренде у купца Шлемы Халфина» [АК 1904: 250; АК 1909: 308].

Точных сведений про «садковецького поміщика Пеньковського» — местного «прототипа» Добчинского — найти не удалось, однако в книге «Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии» сообщается, что Пеньковские помещены в раздел «Древние благородные дворянские роды» [СД 1897: 288]. Видимо, помещик Пеньковский существовал, но не попал в «Памятные книги», так как был землевладельцем, не имевшим в собственности предприятий.

Несколько слов заслуживает и «одеський пройдисвіт» Гершко Гальперин, представленный на местной сцене в образе Хлестакова. Человек с таким именем в доступных нам дореволюционных справочных изданиях не обнаружен, однако среди владельцев различных предприятий на территории Подольской губернии разные Гальперины встречаются регулярно, и практически все они владели и/или управляли мелкими производствами (например, в городе Проскурове в 1900 г. кирпичным заводом владел и управлял «Гальперин Шліоме Шмул., купец» [ПАК 1900: 243]). Хотя собственно в Могилев-Подольском уезде купцы с фамилией Гальперин в дореволюционных справоч-

никах не обозначены, в современной краеведческой литературе упоминания о них есть. Так, в упомянутой выше учебной книге «Могилів-Подільський в 1897–1917 роках» к фотографии одного из старинных домов в Могилеве-Подольском дана подпись «Будинок купця Гальперіна, тепер будинок народного суду. Могилів-Подільський, 1909» [Стецюк, Горобець 2004: 13]¹. Таким образом, имя, национальность и род деятельности упомянутого «пройдисвіта» в целом кажутся весьма характерными для еврейского торгового города, каковым был дореволюционный Могилев-Подольский, но о ком конкретно идет речь, в какие годы этот человек жил в городе, чем именно занимался и действительно ли мог стать прообразом местного Хлестакова, узнать не удалось.

2.4. Каллиник Гудзий на сцене и на службе

В том, что касается действующих лиц, рассказ академика Гудзия в пересказе Пилецкого пока неплохо подтверждался. В Могилеве-Подольском действительно много лет жил и работал чиновник Силич, помещик Крассовский в самом деле имел владения в селе Немия, весьма вероятно существование помещика Пеньковского и купца Гальперина. Правда, если ориентироваться на имена, то полностью исключается возможность событий 1872 г., зато в 1907 г. (по датировке М. Горобца) скандальная постановка, кажется, могла иметь место: в это время все указанные лица в списках значатся.

Однако если проверить биографию главных героев истории, картина становится куда более запутанной. Прежде всего проблемы возникают с градоначальником Хаджи. В большинстве опубликованных вариантов легенды Хаджи называют «городничим», что является несомненным анахронизмом: в Российской империи городничий был главой административно-полицейской власти уездного города с 1775 по 1862 гг., однако затем в ходе реформы полиции эта должность была упразднена. В рассматриваемый период условный статус градоначальника имел городской голова, который избирался городской думой на четыре года, а затем кандидатура утверждалась министром внутренних дел или императором.

¹ Указание на то, что «купца» Гальперина звали Гершко, появляется только в книге М. Горобца [Горобець 1993: 49]. Откуда он взял эту подробность, неясно. Интересно, что в более поздней краеведческой литературе есть упоминание о могилевском Герше Гальперине, у которого купил дом не кто иной, как М. Старицкий, причем именно с целью устроить там театр: «Письменник і театральний діяч Михайло Старицький приїхав до Могилева у 1868 р. Тут він придбав будинок у Герші Гальперіна і планував створити свій театр» [Денисик, Мудрак 2002: 66]. Насколько эти данные точны, мы не знаем, но забавно было бы представить, что могилевского «Хлестакова» выставили на смех перед городом в его же собственном доме.

В «Памятных книжках Подольской губернии» (с 1872 по 1911 гг.) указываются имена всех, кто занимал должность городского головы в Могилеве-Подольском. Однако фамилии Хаджи среди них нет. Впрочем, в справочниках легко находится информация о том, что в 1904 г. одним из членов управы Могилев-Подольской городской думы был Петр Киприянович Хаджи [АК 1904: 200]. Этот же пост он занимает и в 1909 г. [АК 1909: 231], а в 1911 г.¹, по данным «Памятной книжки», П.К. Хаджи исполнял также должность гласного городской думы и проживал в собственном доме на улице Киевской [ПК 1911: 179]. Налицо серьезные несостыковки с версией Гудзия-Пилецкого: во-первых, до 1911 г. Петр Хаджи не был городским головой, во-вторых, улица Киевская, где он жил, находится в стороне от перекрестка «колишніх вулиць Мойки, Вірменської та Олександрівського проспекту», так что памятник Гоголя не мог смотреть на окна его особняка. Оставим в стороне сомнения, не жил ли раньше этот или другой Хаджи в другом месте и не стал ли он городским головой после 1911 г.: во-первых, это ничем не подтверждается, во-вторых, впереди нас ждет более неожиданный поворот событий.

Если факт существования «судьи» Силича и других героев истории нам пришлось документально подтверждать, то с Каллиником Гудзием, отцом Н.К. Гудзия, по понятным причинам таких проблем нет. Вот что пишет академик о родителях в автобиографии: «Я родился 3 мая нов. ст. 1887 г. на Украине, в г. Могилеве-Подольском в семье среднего по уездному масштабу чиновника из крестьян села Неморож Звенигородского уезда Киевской губернии. Семья наша, в которой я был первенцем, была многодетная, родителям приходилось перебиваться из месяца в месяц от 20 до 20 числа, живя долгами, и соответственно складывался и наш детский быт» [Гудзий 1968: 127].

Особый интерес представляет история карьерного роста Каллиника Гудзия. Если И.П. Силич и П.К. Хаджи годами занимали одни и те же должности, то выходец из крестьян К. Гудзий получал повышения с завидной регулярностью. Впервые упоминание о нем встречается в справочнике за 1892 г., где указано, что письмоводителем дворянской опеки в Могилеве-Подольском является не имеющий чина Каллиник Гудзий [АДЛ 1892: 78]. Три года спустя он уже занимает должность городского секретаря Могилев-Подольской городской думы и го-

¹ Интересно, что городским головой Могилева-Подольского в 1911 г. был человек по фамилии Красовский — титулярный советник Василий Владимирович Красовский, являвшийся также почетным мировым судьей, а также казначеем и делопроизводителем городского комитета Российского общества «Красного креста» [ПК 1911: 179, 184, 193].

родской управы, но по-прежнему не имеет чина [ПАК 1895: 264]. Но самые интересные сведения об отце академика обнаруживаются в «Памятной книжке Подольской губернии на 1900 год». В это время Каллиник Иванович Гудзий был ни кем иным, как городским головой в Могилев-Подольской городской управе, а также наряду с И.П. Силичем занимал должность одного из директоров уездного отделения губернского о тюрьмах комитета [ПАК 1900: 185, 190]. Вероятно, административные таланты К. Гудзия были высоко оценены начальством, и вскоре он получил очередное повышение¹. Академик Гудзий пишет: «В 1903 г. в связи с переходом отца на службу в Киев, туда переехала вся наша семья» [Гудзий 1968: 130]. Таким образом, если Каллиника Гудзия и можно было назвать «средним по уездным масштабам чиновником», то лишь на раннем этапе его карьеры. Можно легко понять, почему советский академик Н.К. Гудзий в своей автобиографии приуменьшил должностной статус своего отца и сделал акцент на его крестьянском происхождении и чиновничьей бедности.

Так или иначе, «историческая» версия «легенды» Гудзия-Пилецкого начинает трещать по швам: представить, что в начале карьеры Каллиник Гудзий играл в спектакле, обличающем того же судью Силича, а потом успешно руководил им в статусе городского головы и совместно с ним был директором одного из официальных учреждений, довольно сложно, а еще менее вероятно, что он принимал участие в хулиганской постановке в должности городского головы. Петр Хаджи, который, по этой версии, являлся на момент спектакля главной фигурой в городе, и вовсе впервые появляется лишь в справочниках в 1904 г., когда Каллиник Гудзий уже год как работает в Киеве². Даже если предположить, что спектакль все же имел место, то значительно более правдоподобно выглядит предположение, что отец будущего академика в этот момент находился в зале среди зрителей, нежели играл на сцене.

Была ли вообще скандальная постановка «Ревизора»? Что на ней происходило? Когда и как Каллиник Гудзий лишился части уха? Видимо, на эти вопросы уже невозможно получить

¹ По данным «Памятных книжек Киевской губернии», в 1910 г. Каллиник Иванович Гудзий является членом губернского по крестьянским делам присутствия [ПК 1910: 7], а в 1913 г. там же становится секретарем и получает чин титулярного советника [ПК 1913: 7].

² Впрочем, К. Гудзий и П. Хаджи, вероятно, все же пересекались. В архиве городского краеведческого музея участниками экспедиции был обнаружен любопытный документ — «Список лиц, имеющих право на участие в собрании избирателей г. Могилева-Подольского при избрании городских гласных, по Городовому Положению 11 июня 1902 года на четырехлетие с 1903 года (Составлен и опубликован Могилевскою Городскою Управою 26-го октября 1902 года)». Документ имеет подпись: «Городской Голова Гудзий», а в самом списке указан «Петр Хаджи, купец». Остается загадкой, почему в рассказе Гудзия-Пилецкого именно Хаджи выведен в образе грубого и самовластного градоправителя.

исчерпывающих ответов. Ясно только, что воспоминания Н.К. Гудзия в пересказе М. Пилецкого никак нельзя назвать исторически достоверными.

2.4. Когда и куда ставили памятник

Выше мы анализировали исторический бэкграунд тех элементов «легенды», которые связаны со скандалом во время спектакля. Однако можно попробовать расплести клубок и с другого конца, попытавшись выяснить, когда был установлен памятник Гоголю в Могилеве-Подольском.

Как уже отмечалось, в имеющихся опубликованных вариантах «легенды» присутствуют два основных варианта датировок: 1872 г. (по версии М. Пилецкого) и 1907 г. (по версии М. Горобца). Основой для первой датировки служит полумифическая надпись «Н.В. Гоголю. От граждан города. 1872 год», которая якобы украшала постамент. Других свидетельств в пользу этой датировки нет, в то время как фактов, опровергающих ее, достаточно. Датировка 1907 годом не имеет вообще никаких серьезных оснований. Ну а если предположить, что Каллиник Гудзий все же имел какое-то отношение к этой истории, то 1907 г. тоже не подходит: в это время семья Гудзиев уже несколько лет жила в Киеве.

Можно вспомнить и еще об одной странной датировке. В статье винницкого историка А. Подолинного упоминается о табличке с 1872 годом (явное заимствование из статьи Пилецкого), но при этом про установку памятника говорится: «Був це 1897 рік» [Подолинний 1994: 47]. Откуда взята эта дата? Можно предположить, что Подолинный, собирая материал для своей статьи, воспользовался не только более ранними публикациями легенды о памятнике, но и другой литературой. Вероятнее всего источником информации для него стала научно-популярная книга Д.В. Малакова «По Восточному Подолью», которая в 1988 г. большим тиражом (100 000 экз.) вышла в Москве. В ней памятник Гоголю в Могилеве-Подольском датируется 1897 годом, сообщается, что это «один из первых памятников писателю», однако легенда о его установке не упоминается [Малаков 1988: 145]. К сожалению, никаких ссылок, указывающих, откуда автор взял эту дату, в книге нет.

Точной ссылки на источник информации нет и в академическом справочнике-каталоге «Памятники истории и культуры Украинской ССР», где памятник Гоголю в Могилеве-Подольском датирован 1898 годом [ПИКУ 1987: 53]. Такая же дата со ссылкой на это издание указана и в недавно изданном фундаментальном каталоге К.Г. Сокола «Монументальные памятники

ки Российской империи». Там же мы находим ценную информацию об истории памятника: автор утверждает, что в 1911 г. этот монумент был переставлен, так как на его место городская Дума приняла решение поставить памятник Александру II в ознаменование 50-летнего юбилея со дня отмены крепостного права [Сокол 2006: 345–346].

В качестве источника данной информации составитель каталога указывает две статьи, опубликованные в губернских газетах. Справедливости ради следует отметить, что в этих статьях напрямую о переносе памятника не говорится. Так, в № 121 газеты «Подольнин»¹ за 1911 г. сообщается, что Могилевская городская дума постановила «поставить на площади против собора памятник Императору Александру Второму, для приобретения которого ассигновать 500 рублей», а также «присвоенное Соборной площади наименование “Гоголевская” отменить, поставить памятник Гоголю на площади против дома Михалевского» [По губернии 1911]. Весьма вероятно, что обратное переименование площади из Гоголевской в Соборную свидетельствует о том, что прежде она была переименована в связи с установкой памятника Гоголю. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что на памятник Александру II городская Дума выделяет деньги, а на памятник Гоголю нет — это скорее всего и означает, что сам памятник уже имелся.

3 ноября 1911 г. газета «Подольские куранты»² сообщает об успешном открытии двух памятников в Могилеве-Подольском: «30 октября у нас состоялось открытие и освящение двух памятников: Царю-Освободителю Императору Александру II и великому художнику слова земли русской Н.В. Гоголю. <...> Во время пения “вечной памяти” в Бозе почившему Императору Александру II с памятника спала завеса и войска взяли на караул. <...> После окропления памятника св. водой и дефилирования войск церемониальным маршем все крестным ходом направились к памятнику отцу русской прозаической литературы великому художнику-писателю Н.В. Гоголю для открытия его и освящения. Был отслужен молебен с пением многолетия и “вечной памяти”. Масса возложенных на памятник Н.В. Гоголю венков свидетельствует о тех чувствах, какие наполняли души присутствующих. Как приятно видеть, что не только в столицах, но и в провинции научаются ценить заслуги великих людей» [Г-ль 1911].

Таким образом, история монумента наконец-то получает некоторую определенность. Если доверять данным «Памятников

¹ Газета «Подольнин» издавалась с сентября 1910 г. по март 1917 г. в Каменце-Подольском.

² Газета «Подольские куранты» издавалась с февраля 1911 г. по май 1912 г. в Виннице.

истории и культуры Украинской ССР»¹, то единственной правдоподобной остается версия К.Г. Сокола о том, что памятник в 1898 г. был установлен на Соборной площади², а 30 октября 1911 г. перенесен на свое нынешнее место. При установке памятника или вскоре после этого именем Гоголя была названа центральная площадь города, а при его переносе служили молебны, пели «вечную память», возлагали венки и славословили великому писателю. Кто бы ни жил в тот момент в доме, где сейчас находится музыкальная школа, для него появление под окнами бюста великого писателя если и стало сюрпризом, то скорее приятным³.

Итак, вся вторая часть легенды, где описывается тайная, не-санкционированная установка памятника под окнами дома градоначальника в момент его отсутствия в городе, его реакция на эту демократическую выходку и последовавшая месть горожанам, не имеет под собой никаких фактических оснований. Что же касается событий первой (а для печатных версий — основной) части истории, то стало очевидным лишь одно: если гоголевская комедия и разыгрывалась на могилевских подмостках, то это происходило не тогда, не так и не с теми последствиями, как это описано в газетах и книжках.

При этом практически все могилевские лица, упомянутые в исходной статье 1984 г., действительно существовали, хотя и занимали другие служебные должности. Более того, в определенный период (1890-е — начало 1900-х гг.) все они жили в городе одновременно. Едва ли можно предположить, что их имена разыскал в документах и справочниках и ввел в рассказ сам автор газетной публикации. Видимо, история действительно была поведена Н.К. Гудзием, но маловероятно, что имена всех ее персонажей он запомнил из рассказа отца, который слышал за несколько десятилетий до этого. Скорее всего академик перечислил фамилии тех известных горожан, сослужив-

¹ Попытки проверить эти датировки по губернским газетам не увенчались успехом. Ни в одном из номеров «Подольских губернских ведомостей» за 1897–1898 гг. информация об установке памятника Гоголю в Могилеве-Подольском не была обнаружена. Следует отметить, что в эти годы в данной газете практически не печатались новости из жизни уездных городов.

² В этом случае получается, что могилевский памятник Гоголю в Российской империи был третьим по времени установки: первым был поставлен памятник в Нежине (1881), вторым — бюст в Александровском саду в Санкт-Петербурге (1896) [Сокол 2006: 346].

³ В цитируемой выше статье из «Подольянина» сообщается, что городская дума в 1911 г. распорядилась поставить памятник Н.В. Гоголю «на площади против дома Михалевского». Статский советник Станислав Иванович Михалевский в 1911 г. был уездным («старшим по губернии») врачом в Могилеве-Подольском, он же значится одним из почетных мировых судей [ПК 1911: 181, 184]. К этому времени С.И. Михалевский уже давно жил и работал в городе: должность уездного врача он занимал как минимум с 1895 г. [ПАК 1895: 266], а в 1909 г. он, так же как и И.П. Силич, был одним из директоров уездного отделения губернского попечительного о тюрьмах комитета [АК 1909: 224]. С большой долей вероятности можно предположить, что обладателем вида из окна на памятник Гоголю стал именно этот известный в городе человек.

цев и знакомых своего отца, которых сам знал в детстве до переезда в Киев в 1903 г. — отсюда и путаница в должностях. Естественно, что свой законченный вид — с введением в круг действующих лиц Г.А. Мачтета, добавлением красочных деталей и подробностей, а возможно, и всей сюжетной линии с памятником — история приобрела под бойким пером заведующего кабинетом политпросвещения М. Пилецкого.

По-видимому, именно такой путь проделал рассказ Каллиника Гудзия о скандале на представлении «Ревизора». Мы не знаем, был ли на самом деле подобный случай в Могилеве-Подольском, однако эта история в любом случае возникла не на пустом месте, поскольку сам этот сюжет имеет свою культурную историю. О ней и пойдет речь в следующей главе.

3. Литературный комментарий: сюжет о чиновнике, узнавшем себя в «Ревизоре»

Мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши.

Н.В. Гоголь, «Ревизор» (5, VIII)

3.1. «Это, говорю, на меня критика...»

Сюжет узнавания в персонажах театрального действия реальных людей, присутствующих в зале, действительно появился в русской культуре несколько раньше того времени, к которому может быть условно отнесен театральный инцидент в Могилеве-Подольском. Судя по всему, он стал актуален со второй трети XIX в., поскольку именно тогда для этого сложились необходимые условия. Во-первых, с этого времени началось особенно интенсивное развитие драматического театра (и как области искусства, и как сферы бизнеса, и как продукта массового культурного потребления), а также его широкое распространение (активное гастролирование сложившихся трупп, появление новых стационарных театральных площадок, возникновение любительских и полублюительских коллективов), все больше и больше захватывавшее не только столицы, но и провинциальные города империи. Во-вторых, литература — в частности, драматургия, а в особенности, как ей и положено, комедия — сосредоточилась на изображении социальных (а не общечеловеческих) типов и проблем. Наконец, в-третьих, публицистика в России находилась к тому времени на весьма высоком уровне, количество местных, тематических и прочих пе-

риодических изданий постоянно росло. Таким образом, актеры были готовы изображать узнаваемое, зрители — узнавать изображаемое, а журналисты и мемуаристы — красочно пересказывать и переписывать друг у друга, говоря словами Гоголя, *подобные сюжеты*.

Приведем характерный и замечательный по своей выразительности пример — адресованный П.М. Садовскому отзыв купца Носкова об исполнении знаменитым артистом роли Тита Титыча в премьерной постановке комедии А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (9 января 1856 г., Императорский Малый театр, бенефис Садовского): «Ну, Пров Михайлович, такое ты мне, московскому первой гильдии купцу Ивану Васильеву Н-ву, уважение сделал, что в ноги я тебе должен кланяться. Как вышел ты, я так и ахнул! Да и говорю жене — увидишь, спроси ее — смотри, я говорю: словно бы это я!.. Борода только у тебя покороче была. Ну, все как есть, вот когда я пьяный. Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало. Ну, само собой, пьяный и ударишь, кто под руку подвернется, и покричишь... <...> Сижу в ложе-то, да кругом и озираюсь: не смотрят ли, думаю, на меня. Ей-богу!..» [Горбунов 1923: 71].

Однако наиболее полный, завершенный и, так сказать, канонический вид сюжет (само)отождествления конкретных лиц из публики с персонажами комедии получил именно в связи с гоголевским «Ревизором». Вокруг восприятия пьесы, быстро занявшей одну из самых устойчивых позиций русского театрального репертуара, с самого начала ее сценической истории (1836) в мемуарной, эпистолярной, критической, научной, учебно-методической литературе сложилось невероятно плотное текстовое поле, характеризующееся достаточно устойчивым набором основных реализуемых тем, сюжетов, мотивов и формул. В нем — наряду с историями о личной царской цензуре и реплике императора на премьере («Всем досталось, а мне больше всех»), о недовольстве автора первой (петербургской) постановкой и ошеломительном успехе второй (московской) и т.д. — заметное и устойчивое место заняли и рассказы о том, как чиновники возмущенно реагируют на представления «Ревизора», видя в нем «пасквиль», «клевету» и «карикатуру» на государственных служащих, т.е., по сути, на себя и своих сослуживцев.

Во многих из этих текстов присутствует и указание на прямую идентификацию стоящих на сцене с сидящими в зале и, в частности, быстро сделавшийся устойчивым мотив *зрители смеются над сидящими в зале «двойниками» персонажей*. Так, в мемуарном очерке «Мое знакомство с Гоголем», впервые опубликованном в 1862 г. и неоднократно воспроизводимом

позже в других изданиях, Л.И. Арнольди пересказывает следующий эпизод, относящийся к 1849 г.: «Я сидел возле зеленого стола, за которым играли в ералаш три сенатора и военный генерал. Один из сенаторов, в военном же мундире, с негодованием посматривал на Гоголя. <...> “Ведь это же революционер, — продолжал военный сенатор, — я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома. Когда я был губернатором и когда давали его пьесы в театре, поверите ли, что при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью, весь партер обращался к губернаторской ложе. Я не знал куда деться, наконец не вытерпел и запретил давать его пьесы. У меня в губернии никто не смел и думать о *Ревизоре* и других его сочинениях”» [Арнольди 1862: 85–86].

Пожалуй, исключительным и по яркости, и по жанровому воплощению, и по времени появления среди всех текстов, реализующих стереотип отношения городского чиновничества к «Ревизору» и его автору, является эпизод из юмористического рассказа Н. Ковалевского «Гоголь в Малороссии», опубликованного в 1841 г., т.е. всего пять лет спустя после первых представлений комедии на столичных сценах императорских театров. В дом к судье уездного города Гадяча Онуфрию Лукичу Гниде неожиданно являются два незнакомых молодых человека (главные герои рассказа), один из которых представляется Гоголем. Это приводит хозяина в сильное волнение, которое объясняется в следующем его диалоге с женой:

«— Да кто ж это к вам приехал, друг мой? — спросила Степанида Петровна, — уж, не ревизор ли?

— Эге! Рассказывай: ревизор! Тут такой приехал, что погрозней еще твоего ревизора... Ревизор, когда есть за что, погоняет тебя в суде при знакомых людях, но тем и кончится! А этот опишет тебя с головы до ног и отметит всю твою натуру: все поговорки, все ухватки, ничего не оставит в покое, до всей подноготной докопается; а потом перекрестит тебя в какого-нибудь Тяпкина-Ляпкина, да предаст печати на потеху всего уезда... Да что? всей губернии!.. Да что? всей империи! Вот он какая птица!

— Э!! А какая он птица? — спросила Степанида Петровна, внимательно выслушав рассказ мужа.

— Сатирический писатель.

— Писатель? Вишь какой!.. Ну, и он человек опасный?

— Стало быть, что опасный! Вот... прошедшую зиму... когда я был в Полтаве... Предводитель затащил меня в театр... Вошли... я сел в кресло... музыка прогремела... открылся занавес: гляжу — фу ты пропасть! знакомые лица!!! Думаю, думаю, что

за дьявольщина: по сцене расхаживают не актеры, а наши дворяне? Ну вот именно, наши Гадячане!!! Мундиры наши, походка наша, разговоры наши, все обращение наше... один даже из тех дьяволов меня передразнивал!...» [Ковалевский 1841: 23]¹.

3.2. Гоголь в провинции

Неслучайный характер во фрагменте из воспоминаний Арнольди имеет указание на бывшее губернаторство рассказчика-сенатора, ко времени которого и относятся его неприятности с гоголевскими спектаклями. Во-первых, основным, или, точнее, идеальным персонажем подобных историй должен быть не произвольный чиновник, а возглавляющий администрацию города (уезда, губернии) или персонифицирующий местную власть: именно с ним может быть полноценно проассоциирован главный герой комедии — городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский. Во-вторых, очевидно, что рассказчик служил в одном из провинциальных губернских городов, а именно провинциальные нравы стали предметом непосредственного изображения в «Ревизоре». Поэтому и история о чиновниках, узнающих себя (и/или которых узнали) в персонажах «Ревизора», предполагает обязательный провинциальный контекст². Представленный в колоритно-карикатур-

¹ Далее следует сцена, полностью повторяющая ситуацию из «Ревизора», но место мнимого чиновника занимает мнимый сатирик: молодых людей принимают преувеличенно радушно, пытаются во всем угодить и определенным образом истолковывают каждый взгляд и жест «Гоголя», так что впоследствии, когда гость понимает, в чем дело, ему лишь с большим трудом и далеко не сразу удается убедить хозяина, что он не имеет никакого отношения к известному писателю и назвался его именем в шутку. Позже, по-видимому в 1850-е гг., по рассказу «Гоголь в Малороссии» В.А. Курсаковым была написана одноименная комедия в 3-х картинах (см.: [Данилов 1911: 336–338]).

² В свою очередь, в более поздних историко-литературных и историко-театральных трудах общим местом стало указание на специфику восприятия комедии провинциальной публикой, с готовностью отождествлявшей сценические реалии с местной повседневностью, — восприятия наивного и в то же время непосредственного, а значит, наиболее адекватного по отношению к гоголевскому замыслу. Так, в одной из многочисленных работ о сценической судьбе «Ревизора» — монографии С.С. Данилова «Гоголь и театр», вышедшей в 1936 г. и потому, естественно, не избежавшей идеологической тенденциозности той эпохи, провинциальным постановкам комедии посвящен особый раздел, в котором автор в самых общих словах и без единого примера сообщает о сценических решениях, зато приводит много «свидетельств», относящихся к особенностям рецепции пьесы. Автор, в частности, пишет: «Вслед за первыми представлениями в Петербурге и Москве “Ревизор” проник в провинцию и вскоре обошел все провинциальные театры, сделавшись их основной репертуарной пьесой. Правда, в смысле общего характера спектакля провинциальные постановки “Ревизора” в основном равнялись на казенную сцену, да и протекали сплошь и рядом при участии артистов тех же императорских театров, насаждавших “канонические” образцы сценической интерпретации комедии Гоголя. Но неискушенным и менее культурным провинциальным зрителем воспринималась не столько художественно-постановочная сторона спектаклей, сколько сама смысловая нагрузка комедии Гоголя. Ее сюжетные ситуации, близко напоминавшие провинциальному зрителю повседневные происшествия, придавали постановкам “Ревизора” почти злободневный характер и сплошь и рядом превращали провинциальные спектакли в прямую демонстрацию против местных властей» [Данилов 1936: 193].

ном малороссийском варианте, этот контекст, безусловно, акцентируется и в рассказе Ковалевского.

Приведем еще один пример. В письме к матери от 20 августа 1849 г. И.С. Аксаков, описывая духовную и светскую жизнь уездного Рыбинска, в частности, приводит такой эпизод: «На днях в здешнем театре давали “Ревизора”. Я отправился посмотреть. И актерам, и зрителям до такой степени было смешно видеть на сцене все те лица, которые сидят тут же и в креслах (напр., Городничий, Судья, уездный учитель и т.д.), что актеры не выдерживали и хохотали сами вовсе не у места, а потому и играли плохо, исключая Осипа. А зрители хоть и смеялись, — да ведь все свои! Всякий друг про друга знает, что он берет, и считает это дело весьма естественным» [Аксаков 1888: 214–215]. Что характерно, далее Аксаков жалуется на беспросветное, неискоренимое провинциальное взяточничество в городе и полное отсутствие порядочных людей среди рыбинских чиновников.

Во всем массиве описаний и упоминаний истории о том, как провинциальные чиновники узнают себя в «Ревизоре», есть и тексты, реализующие этот сюжет в той самой версии, в которой он представлен в могилев-подольской городской традиции: *узнавший себя на сцене чиновник устраивает скандал на представлении*. Приведем обширную цитату из воспоминаний актера И.И. Лаврова: «На это лето труппу отправили в Ростов. На первых представлениях я по болезни не был. После мне рассказывали, какой скандал случился там при открытии театра. Давали “Ревизора”. Кажется, пьеса эта шла здесь еще в первый раз... Публики был полон театр. Городничий Ростова, как на грех, имел тоже двойную фамилию, вроде Сквозника-Дмухановского. При первых сценах начало его коробить; стал он озираться на публику, которая грохотала, взглядывая на своего городничего, их утеснителя. Едва кончился первый акт, как он взбежал на сцену и начал ругаться и кричать:

— Как смели вы написать и представлять публично такой пасквиль на начальство?!..

На сцене все стояли в недоумении. Дорошенко вежливо, но с лукавою улыбкой объяснил ему, что пьеса эта написана известным писателем Гоголем и что ее представляют в столицах. В доказательство показал ему печатную книгу.

— Врете!.. Не может быть, чтобы дозволили такое неприличное глумление!.. Я запрещаю продолжать! Играйте что-нибудь другое!.. — кричал во все горло озлобленный начальник города.

— Но это нельзя, полковник!.. — возразил Дорошенко.

— Не позволю, не позволю!.. В тюрьму вас всех упрячу!.. — орал городничий.

Смятение поднялось как на сцене, так и в зрительной зале. В это время вдруг слышался звон колокольчика, который все ближе и ближе приближался к театру и у самого крыльца, ведущего на сцену, смолк. Смотрят — входит директор Аким Адамыч Цельнер. Он и так-то был человек горячий, а тут, как Дорошенко объяснил ему всю эту историю, — не взвидел он света... Кинулся на городничего с палкой и, выгнав его со сцены, крикнул вслед:

— Бурбон!.. Безграмотная скотина!.. Видно, знает кошка, чье мясо съела...

Что было после этого с актерами и публикой, сказать невозможно!.. Все огульно как заорут: го! го! го!.. Смех такой поднялся — насилу унялись. Вся полиция со своим начальником исчезла моментально. Остальные действия прошли с необычайным успехом. По окончании спектакля от публики прислана была великая благодарность; при этом просили давать эту прекрасную пьесу почаще. Оскорбленный начальник города послал губернатору жалобу. Но и тут его постигла неудача: из Екатеринослава прислали ему выговор и затем удалили из Ростава» [Лавров 1889: 120–121].

Этот фрагмент из мемуаров Лаврова впоследствии был слово в слово перепечатан в одном из выпусков «Литературного вестника» за 1902 г., целиком посвященном жизни и творчеству Гоголя (возможно, в связи с пятидесятой годовщиной смерти писателя). Автор этой публикации Ф. Витберг снабдил свою заметку чрезвычайно примечательным заглавием — «Чиновник, узнавший себя в гоголевском Сквознике-Дмухановском» и не менее примечательным подзаголовком — «(Из мелочей о Гоголе)». Вырвав рассказ из контекста сплошного мемуарного повествования, придав ему тем самым вид самостоятельного, законченного компактного нарратива и снабдив таким заглавием, Витберг, по сути, сделал максимально очерченной его жанровую сущность: эта история, поданная в таком виде, — типичный образец литературного анекдота XIX столетия. Не менее очевидное попадание в жанр — приведенный выше рассказ И.С. Аксакова о рыбинской постановке. Кстати, его постигла сходная судьба, правда, в частной переписке: рассказ был выдернут из контекста письма и еще лаконичнее воспроизведен С.Т. Аксаковым в письме к Н.В. Гоголю — именно в качестве отдельного «анекдота из жизни»: «Иван вам кланяется. <...> В Рыбинске играли “Ревизора”»; в половине пьесы актеры, видя, что зрители больше их похожи на действующие лица, помирали все со смеху» [Переписка 1988: 108]. Столь же анекдотичен и сюжет «Гоголя в Малороссии» — не случайно он намеренно уподоблен сюжету «Ревизора», который сам по себе, как

известно, вырос из анекдота, якобы сообщенного Гоголю Пушкиным.

Более того, историю о чиновнике, узнавшем себя на сцене, роднит с литературным анекдотом не только поэтика, но и прагматика, весьма точно сформулированная современным исследователем этого жанра: «Общая установка жанра заключается в том, что он стимулирует “историческое любопытство”, воскрешая быт и нравы, помогая постигнуть психологический климат эпохи, глубинные закономерности национального бытия» [Курганов 1995: 33].

Думается, что именно это внутреннее свойство нашей истории сделало ее сюжет столь привлекательным для множественных воспроизведений и при всех расхождениях в конкретных вариантах столь живучим в культуре. Нетрудно заметить, что некоторые из рассмотренных выше краеведческих публикаций, содержащих рассказ о скандале на представлении «Ревизора» в Могилеве-Подольском, результатом которого стала установка в городе памятника Гоголю, отчасти приближены к жанрово-стилистическому формату литературного (исторического) анекдота. В частности, это очерк скульптора Алешкина, где автор делает ставку на комичность ситуации, увлекательность изложения и тот присущий анекдоту «парадокс, который по-особому освещает и прошлое, и настоящее», «живописует быт, нравы, причем подает их как бы изнутри» [Курганов 1995: 34]. При этом в более ранней, послужившей ему основным источником статье М. Пилецкого, где автор пересказывает легенду со слов Н.К. Гудзия, анекдотичность сильно размывается советским публицистическим дискурсом, хотя и не исчезает бесследно. Можно представить, что в устном и/или эпистолярном бытовании в родственном и дружеском кругу, откуда ее, собственно, и мог почерпнуть будущий академик, эта история еще больше напоминала забавный исторический анекдот.

3.3. Анекдот повторяется

Тем не менее между статьей Пилецкого и приведенным воспоминанием актера Лаврова много общего. Очевидны, конечно, и различия, в частности на сюжетном уровне, обусловленные, очевидно, социально-идеологическими акцентами эпох. Так, у Лаврова сходство сценического и реального городничих единично и случайно, у Пилецкого актеры намеренно добиваются эффекта узнаваемости, чтобы посмеяться над «хозяевами города»; у Лаврова все решает вмешательство директора, у Пилецкого — единомышленники публики и актеров в демократическом порыве; у Лаврова дело заканчивается начальственным удале-

нием глупого городничего из Ростова, у Пилецкого — установкой «народного» памятника сатирику. Однако если приглядеться внимательнее, нельзя не заметить большого текстурального сходства двух историй, увидевших свет с разницей в столетие. Для большей наглядности приведем ряд совпадающих элементов в таблице.

Позиции	Мемуары Лаврова (1889)	Статья Пилецкого (1984)
<i>Фигура компетентного рассказчика</i>	После мне рассказывали, какой скандал случился там при открытии театра.	— Це, друзі, давня історія — відповів Микола Каленикович і почав розповідати.
<i>Сближение имен местных чиновников и персонажей</i>	Городничий Ростова, как на грех, имел тоже двойную фамилию, вроде Сквозника-Дмухановского.	Під час гри актори навмисне «забували» імена гоголівських персонажів з п'єси, а називали їх так, як справжніх могилівських «героїв»...
<i>Первая реакция городничего, сидящего в зале</i>	При первых сценах начало его коробить;	Він шаленів, але стримувався...
<i>Зрители смеются, узнавая своего городничего</i>	Стал он озиаться на публику, которая грохотала, взглядывая на своего городничего, их утеснителя.	Вибухи реготу заглушували гнівні прокльони «оригіналів».
<i>Городничий выбегает на сцену и начинает скандал</i>	Едва кончился первый акт, как он взбежал на сцену и начал ругаться и кричать:	Він вискочив на сцену і з усіе сили вплив потиличника акторів...
<i>Городничий и чиновники требуют остановить представление, другие не соглашаются</i>	— Я запрещаю продолжать! Играйте что-нибудь другое!.. — кричал во все горло озлобленный начальник города. — Но это нельзя, полковник!.. — возразил Дорошенко.	Ті, хто впізнав себе в акторах, галасували: «Закрити кумедію!» Більшість же водала: «Продовжити!»
<i>Суматоха в зале и на сцене</i>	Смятение поднялось как на сцене, так и в зрительной зале.	У залі і на сцені діялось щось неймовірне.
<i>Зрители и актеры бурно реагируют</i>	Что было после этого с актерами и публикой, сказать невозможно!.. Все огульно как заорут: го! го! го!.. Смех такой поднялся — насилу унялись.	Публіка і обивателі <...> підняли такий гвалт та регіт, що погасла більшість світильників.

<i>Городничий со своими подчиненными уходит из театра</i>	Вся полиция со своим начальником исчезла моментально.	...театр покинули всі осміяні чиновники <...>
<i>Публика выражает свой восторг и признательность актерам</i>	По окончании спектакля от публики прислана была великая благодарность.	На закінчення її виконавцям влаштували бурхливу овацію...

Что следует из этого набора совпадений, которые едва ли могут быть признаны случайными? Хотим ли мы сказать, что скандала на представлении «Ревизора» и всей связанной с этим истории в Могилеве-Подольском на самом деле не было, а рассказ о ней был смоделирован по образу и подобию истории из мемуаров Лаврова или какого-то сходного текста, т.е., проще говоря, вычитан в книжке и переписан или пересказан с привязкой к местным реалиям? Честно говоря, искренне *хотим*, но, конечно, утверждать этого не можем.

Несомненно лишь то, что могилевская история — прямое порождение рассмотренного выше литературного контекста, что она есть не что иное, как одна из реализаций ставшего расхожим с середины XIX в. сюжета о чиновнике, узнавшем себя в «Ревизоре», и что этой истории не было бы вовсе, если бы культура не наработала соответствующих прецедентных текстов.

В заключение этой главы нужно обратить внимание на две особенности процитированных и упомянутых выше литературных текстов. Во-первых, как уже говорилось, каждый из них впоследствии неоднократно перепечатывался и/или пересказывался в других более поздних изданиях (а в научных и учебных изданиях этот процесс не прекращается и сейчас), причем часто ориентированных не на исходную публикацию, а на наиболее доступную.

Во-вторых, — и в контексте нашего исследования это особенно важно — все они представляют собой если не продукт чистого вымысла (подобно рассказу Ковалевского), то изложение чужого рассказа, а не собственных впечатлений автора. Горбунов передает признание Носкова, Арнольди — подслушанную им тираду сенатора, даже актер Лавров, у которого были, казалось бы, все шансы стать не только свидетелем, но и участником событий, как назло проболел скандальную премьеру и излагает всю историю со слов приятелей-артистов. Наконец, Пилецкий пересказывает фрагмент беседы с академиком Гудзием, который, в свою очередь, и сам слышал ее от отца. Таким образом,

к моменту первого попадания в печать эти нарративы уже имеют свою «устную историю» или по крайней мере апеллируют к ней¹. После опубликования цепочка пересказов не прерывается, а, наоборот, гарантированно продолжается на страницах альманахов, мемуарных изданий, журналов и газет, а впоследствии — сборников, монографий и учебников. Это обеспечивает их сохранность в культурном арсенале и потенциальную возможность «достать и попользоваться» при той или иной необходимости.

В свою очередь, востребованность того или иного сюжета — и, как следствие, появление его в области коллективного знания и регистре устного бытования — оказывается наиболее вероятной в том случае, если сюжет прочно привязан к месту. Тогда рычагом для его реактуализации выступает прагматика локального текста. Нечто подобное и произошло в нашем случае: когда распространенный в XIX в. сюжет о чиновнике, узнавшем себя в «Ревизоре», сошел с литературной сцены и остался достоянием небольшого числа литературоведов, в Могилеве-Подольском его местный вариант попал в краеведческую литературу и сделался частью общего знания². О том, каким образом повел себя этот сюжет в новых условиях существования и с чем это связано, — следующая часть нашей статьи, посвященная устным вариантам легенды.

Библиография

Абашев В.В. Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 399, [4] с.

[АДЛ 1892] Адресы должностных лиц, правительственных учреждений и частных фирм, находящихся в г. Каменец-Подольске, и должностных лиц учреждений Министерства внутренних дел в уездах Подольской губернии. Каменец-Подольск: Тип. Подол. губ. правл., 1892. 82 с.

Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (С точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Наука, 1965. С. 5–25.

Азбелев С.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. Вып. X: Специфика фольклорных жанров. М.; Л.: Наука, 1966. С. 176–195.

¹ Исключение составляет лишь рассказ И.С. Аксакова о виденном им рыбинском представлении «Ревизора», но он и не был предназначен для публикации, а эпистолярная передача текстов сама по себе скорее должна быть приравнена к устной, нежели к книжной.

² В этом смысле было бы чрезвычайно интересно выяснить, имеет ли какое-то хождение в современном Ростове-на-Дону, по крайней мере в местной краеведческой литературе, фрагмент/сюжет из театральных воспоминаний Лаврова.

- [*АК 1904*] Адрес-календарь Подольской губернии на 1904 год. Каменец-Подольск: Подольский губ. стат. ком., 1904.
- [*АК 1909*] Адрес-календарь Подольской губернии на 1909 год. Каменец-Подольск: Подольский губ. стат. ком., 1909.
- [*Аксаков 1888*] И.С. Аксаков в его письмах: в 2 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. Т. 2. Письма 1848–1851. 56 с.
- Алексеевский М.Д., Лурье М.Л.* Могилев-Подольский: особенности локального текста // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 196–198 (Studia Ethnologica; вып. 5).
- [*АЖЛС*] *Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А.* Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419–442.
- Альошкіна Д'А.* Обереги над Мурафою або душа Букатинського каменю. Книга 1. Вінниця: ПП Каштелянов, 2008. 208 с.
- Арнольди Л.* Мое знакомство с Гоголем // Русский вестник. 1862. № 1. С. 54–95.
- Ахметова М.В.* Образ Муром в сознании горожан. Цит. по: <<http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova8.htm>>.
- Ахметова М.В., Лурье М.Л.* Бологое: «Маленькая столица между двух столиц» // Отечественные записки. 2006. № 5. Т. 32. С. 207–217.
- Ахметова М.В., Лурье М.Л.* Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Антропологический форум. № 2. 2005. С. 336–357.
- Баранов Е.З.* Московские легенды. М.: Мосполиграф — 10-я тип. «Заря коммунизма», 1928. Вып. 1. 47 с.
- Борщевський В.М.* Скарби історії та культури Вінниччини // Літературно-мистецька Вінниччина: збірник статей / Відп. ред.: В.М. Борщевський; кол. авт. Вінницький держ. пед. ін-т ім. М. Островського. Одеса: Маяк, 1969. С. 3–23.
- Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора: Повествовательные традиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Глинський І.* Академік М.К. Гудзій // Наддністрянська правда. 1963. 19 червня.
- Г-ль С.* Корреспонденция // Подольские куранты. 1911. № 262.
- [*Горбунов 1923*] Из воспоминаний И.Ф. Горбунова // Мендельсон Н.М. А.Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах. М.: Т-во В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1923. С. 63–71.
- Горобець М.П.* Їх пам'ятає Придністров'я. Історико-публіцистичні розповіді. Вінниця: Державне обласне видавництво «Вінниця», 1993. 120 с.
- Гудзій Н.К.* Автобіографія // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М.: Изд-во Московского университета, 1968. С. 127–144.

- Данилов В.В.* К библиографии драматических переделок из Гоголя // Русский филологический вестник. 1911. № 2. С. 331–338.
- Данилов С.С.* Гоголь и театр. Л.: Печатный двор, 1936. 330 с.
- Денисик Г., Мудрак О.* Могилів над Дністром // Містечка Східного Поділля / Під заг. ред. Г. Денисика. Вінниця: Видавництво «Тезис», 2002. С. 60–68.
- Дурилін С. М.* Марія Заньковецька: Життя і творчість. Київ: Мистецтво, 1955. 515 с.
- Замятин Д.Н.* Локальные мифы: модерн и географическое воображение: Доклад на Четвертой Всероссийской конференции «Литература Урала: история и современность» (Екатеринбург, 7–8 октября 2008 г.). <<http://vestnik.rsuhr.ru/article.html>> (01.11.2008).
- Ковалевский Н.* Гоголь в Малороссии // Пантеон русского и всех европейских театров. 1841. Ч. I. С. 16–29.
- Комишанченко М.* Михайло Старицький. Киев: Дніпро, 1968. 112 с.
- Копылова В.* Из Гоголя принято ваять дурака // Московский комсомолец. 2009. 31 марта. № 25019.
- Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 325, [2] с.
- Кулешов Е.В.* СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА в Тихвине: аксиология городского пространства // Живая старина. 2001. № 1. С. 13–15.
- Курганов Е.* Литературный анекдот Пушкинской эпохи. Helsinki: Department of Slavonic Languages, University of Helsinki, 1995. 278 с. (Slavica Helsingiensia 15.)
- [Лавров 1889]* Сцена и жизнь в провинции и в столице / Составлено по воспоминаниям и запискам артиста императорских московских театров Ив.Ив. Лаврова. М.: Кн. маг. В.В. Думнова, п/ф Насл. бр. Салаевых, 1889. 235 с.
- Леонтьева С.Г., Маслинский К.А.* Город и турист: механизмы самопрезентации «классической» провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: материалы науч. конф. 29.08 — 1.09.2001. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 76–86.
- Лурье М.Л.* Локальный текст города и его словарное описание // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 186–196.
- Львов А.* Предисловие: Штетл в XXI в. и этнография постсоветского еврейства // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 9–26.
- Майер А.С.* Московские городские легенды как исторический источник (Историческая память и образ города): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН], 2008. 20 с.
- Малаков Д.В.* По Восточному Подолью (От Жмеринки до Могилева-Подольского). М.: Искусство, 1988. 168 с.
- Мачтет-Юркевич Т.Г.* Г.А. Мачтет // Мачтет Г.А. Избранное. М., 1958. С. 3–29.

- [Медведик 1992] Евшан-зілля: легенди та перекази Поділля / Упоряд. П. Медведик. Львів: Червона калина, 1992. 288 с.
- Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. / [Сост. и коммент. А.А. Карпова, М.Н. Виролайнен]. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 107–108 (Переписка русских писателей).
- Пілецький М. Легенда про пам'ятник Гоголю // Надністрянська правда. 1984. 31 березня.
- Пілецький М. Перший пам'ятник М.В. Гоголю // Надністрянська правда. 1987. № 22.
- [ПАК 1895] Подольский адрес-календарь на 1895 год. Каменец-Подольск: Подольск. губ. стат. ком., 1895. 452 с.
- [ПАК 1900] Подольский адрес-календарь на 1900 год. Каменец-Подольск: Подольск. губ. стат. ком., 1900. 349 с.
- Памятники Николаю Васильевичу Гоголю. Справка // РИА «Новости». 2009. 2 марта. <<http://www.rian.ru/culture/20090302/163579519.html>>.
- [ПИКУ 1987] Памятники истории и культуры Украинской ССР: Каталог-справочник. Киев: Наукова думка, 1987. 736 с.
- [ПК 1885] Памятная книжка Подольской губернии: Адрес-календарь и стат.-справ. сведения на 1885 год. Каменец-Подольск: Подольск. губ. стат. ком., 1885. 242 с.
- [ПК 1910] Памятная книжка Киевской губернии на 1910 год. Киев: Киев. губ. стат. ком., 1909. 620 с.
- [ПК 1911] Памятная книжка Подольской губернии на 1911 год. Каменец-Подольск: Подольск. губ. стат. ком., 1911. 600 с.
- [ПК 1913] Памятная книжка Киевской губернии на 1913 год. Киев: Киев. губ. стат. ком., 1912. 675 с.
- По губернии. Могилевские городские дела // Подолянин. 1911. № 121.
- Подолинний А. Пам'ятник Гоголю в Могилеві-Подільському // Краєзнавство. 1994. № 1–2. С. 46–47.
- Разумова И.А. «Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) // Русская провинция: миф, текст, реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 324–334.
- Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин: Социально-антропологические очерки / [науч. ред. О.Р. Николаев]. СПб.: ГАМАС, 2009. 160 с.
- Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 374 с.
- [СД 1897] Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольск: Подол. дворян. депут. собр., 1897. 356 с.
- Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / Под ред. М.Л. Лурье // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.:

- Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 186–215.
- Сокол К.Г.* Монументальные памятники Российской империи: Каталог. М.: Вагриус Плюс, 2006. 429,[2] с.
- Соколова В.К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 323 с.
- [*Стецюк, Горобець 2004*] Могилів-Подільський в 1897–1917 роках: Книга для читання з історії рідного краю / Упоряд. Г.А. Стецюк, А.В. Горобець. Могилів-Подільський: [б. и.], 2004. 24 с.
- [*СЧ 1872*] Список чинам, состоящим на службе в Подольской губернии, составлен по 1 июня 1872 года. Каменец-Подольск: тип. Губ. упр., 1872. 66 с.
- Физиков В.М.* Новое о Г.А. Мачтете // Фольклор и литература Сибири. Омск: ОмПИ, 1980. С. 116–124.
- Чистов К.В.* О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (1968, г. Прага). М.: Наука, 1968. С. 318–335.
- Шумский Д.* Первый памятник // Литературная Россия. 1984. № 14.
- Degh L.* Legend and Belief: Dialectics of a Folklore Genre. Bloomington: Indiana, 2001.